

Переславские встречи

В Переславле-Залесском, в тамошнем историко-художественном музее мы стоим с В. И. Панфиловым, заместителем директора по научной части, у картины «В. И. Ленин в Переславских Горках в 1894 году».

Автор её, местный уроженец, художник, академик Д. Н. Кардовский изобразил пологий парк. Вверху виден дом с мезонином. На переднем плане — Владимир Ильич. Стоит в знакомой всем нам позе, сунув руки в карманы брюк. Рядом, на скамейке, — широкоплечий и крупнолицый человек. На краю скамейки — книга...

— Впервые у нас отпечатана, — говорит Владимир Иванович, — «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В этом вот доме, видите? — кивнул на картину. — В одной из комнат...

В сдержанном достоинстве рассказчика хорошо приметна черта переславца. В скверике ли у реки Трубеж, в вагончике узкоколейки, в автобусе — к слову или нет! — вам, приедем, обязательно сообщат, что именно в Переславле родился Александр Невский, что первый — пусть и потешный — флот Пётр строил на Плещеевом озере, что на переславской мануфактуре рабочие первыми во всей губернии вышли на стачку...

По-апрельски неокрепшая дорога ведёт вдоль полупрозрачного строя сосен и берёз, за которым угадывается спуск к реке. Пройдёте с полкилометра к службам и рядам живописных изб — увидите широкую и рябую (снег кое-где ещё не сошёл) пойму Шахи, речки извилистой и мелкой. Справа, как на тарелке, — клуб, школу, сельмаг и в затылок друг другу современные коттеджи. Это центральная усадьба совхоза имени В. И. Ленина — деревня Горки.

Дом с мезонином — неподалёку от школы. В пять окон, сложен он из гулких брёвен, обшитых тёсом. Зайдите с тыльной стороны — обнаружите уютную террасу, выходящую в пологий парк. И снова — полупрозрачная толпа берёз, разросшихся, обнажённых сейчас кустов сирени, а за поймой — синеватая кромка лесов.

Я подхожу к месту, где некогда врыта была скамейка. Кажется, здесь: сделай поворот на три четверти — и видишь мезонин, а под ним террасу. Повернись к пойме — прямо перед тобой поросшая бурый — даже издали видно, что бурый, — камышом излучина. Здесь когда-то была мельница. На картине Ленин смотрит в её сторону. Туда же, приподняв чуть голову, смотрит широкоплечий и крупнолицый человек. Как знать, не виделась ли им на этом месте бетонная плотина, при ней — электростанция. Та, что будет скоро. По плану застройки центральной совхозной усадьбы.

Спросят, почему ж обязательно электростанция? Наверное, я сам бы спросил, если в архивных документах не обнаружил — для себя, разумеется, — что 20 июня 1920 года в деревне Горки все двадцать три избы, как одна, засветились электрическим светом, Инициатором, да и в сущности техническим исполнителем необычайного по тем временам дела был широкоплечий и крупнолицый человек, изображённый вместе с Владимиром Ильичом на картине, — Алексей Александрович Ганшин,

У меня осталось впечатление, что там, на Переславщине, я встречался с ним. С живым. До сих пор вижу крупное его лицо, покосившиеся очки в простенькой светлой оправе, старенькую инженерную фуражку с зелёным околышем. Я представляю даже его походку, немного вразвалку, тяжёлую...

Причиной не только фотографии, что мне показывали в музее. Ещё и тот след, что оставил человек в памяти людей. Даже не знавших его лично. Быть может, это несломимый дух и почти

нечеловеческая энергия, которые люди ленинской закалки вкладывали во многое, чем живём мы сегодня.

В Горках — не открою нового! — электричество давно уже — незаметная деталь быта. Как воздух или вода. Но представим третий — всего лишь! — год Советской власти.

...Однажды, приехав из Москвы, Ганшин, взволнованный, ходил от дома к дому, звал народ к мельнице: разговор, дескать, есть.

Слушали его, изрядно сомневаясь. Дивились странному слову ГОЭЛРО.

— Вот так, — говорил между тем Ганшин, — подумайте! Время, разумеется, тяжёлое. Нефти республике не хватает. Сколько за бутылку керосина даёте? По полпуду хлеба? А видел я, кое-кто уж и лучинники дедовские наладил. А тут вот она, Шаха, даст нам свет...

Не один мужик скрёб затылок, слушая удивительные, похожие на сказку речи. А Ганшин говорил и говорил:

— Динамо-машину берусь отыскать в Москве. И проводов добудем. И лампочек. А столбы — волостной совет не поскупится...

Об истории становления государства можно читать. А можно слушать, как слушал я в Горках рассказы о том, с какой самоотверженностью взялись крестьяне за осуществление небывалого дела, как возили в Москву собранный по дворам печёный хлеб (задаром оборудование никто б не дал), как в тамбурах и на крышах везли до станции Рязанцево — она в восьми километрах от Горок — бухты проводов, как обернутыми в рогожу доставляли по тряской дороге части чудо-машины, как тянули проводку и с ожиданием наблюдали за работой Ганшина: он с сыновьями монтировал на мельнице небольшую электростанцию.

Быть может, не все знали, что незадолго до этого побывал Алексей Александрович у старого своего товарища Г. М. Кржижановского — вместе были участниками первых марксистских кружков в Петербурге, — что проговорили весь вечер об электрификации страны, прочно сходясь во мнении, что акт этот — не только технический, но и политический, государственный... Через четыре месяца, на VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин скажет: «...нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс...»

Опора просвещения! Есть опоры, на которых держатся колоссы. А есть — почти незаметные, но крайне нужные. Давно нет в Горках той «чудо-машины», но есть память о первых проблесках в сознании горкинских крестьян. Из малого, как известно, складывается большое, огромное, великое.

В книге «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», — читаем в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», — В. И. Ленин наметил исторический путь рабочего класса России как политического вождя народа, выдвинул идею гегемонии пролетариата, поставил вопрос о союзниках пролетариата в революционной борьбе.

Я вспомнил картину, книгу, лежащую на краю скамейки. По-видимому, она только что отпечатана и сброшюрована. Может, остро пахнет типографской краской. «Впервые у нас», — говорил заместитель директора музея. Да, впервые. Но оговориться всё-таки надо. Первый выпуск книги был напечатан в Петербурге на гектографе в июне 1894 года. В июле выпуск этот вышел повторно. Третьим изданием его печатал Ганшин в Горках. И, кроме того, он же напечатал и второй выпуск. Вот этот — действительно впервые... Впрочем, Владимир Иванович просто не вдавался в подробности.

И ещё одна встреча с Алексеем Александровичем Ганшиным, на сей раз студентом Петербургского технологического института.

Ранней весной в 1894 году, — вспоминает он, — я узнал от своих родственников-друзей братьев Масленниковых, что им удалось, после долгих попыток, приобрести в Москве типографский шрифт. Я тотчас же предложил нашему кружку технологов-марксистов (Владимиру Ильичу Ульянову, С. И. Радченко, В. В. Старкову, Г. М. Кржижановскому, Г. Б. Красину, М. К. Названову, А. А. Ванееву, П. К. Запорожцу)¹ воспользоваться шрифтом и отпечатать только что написанную статью Владимира Ильича «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против

¹ В статье П. Седов заменяет слова в скобках такими: «в нём состояли Ленин, Кржижановский и другие. — П. С.»

социал-демократов», причём всю типографскую работу я брал на себя... Местом для работы выбрали именование моего отца «Горки», Переяславского уезда.

Как часто не имеем мы в виду тех титанических усилий, которые прикладывали люди, создавая что-либо. Старая часть Переславля обнесена валом метров в восемь высотой. Прогуливаясь по нему, я подумал, во что он обошёлся строителям, возводившим фортификационное сооружение это без экскаваторов и бульдозеров, в сущности, одними руками. Подумал, перебирая в памяти всё, что слышал и читал о типографской работе, которую взвалил на свои плечи Ганшин.

Неудача его ждала уже в Москве. Братья Масленниковы не смогли достать шрифта. Тот, кто взял его в типографии, испугался ревизии. Шрифт пришлось вернуть. Неудачной оказалась и попытка Добыть шрифт в другом месте, в типографии А. М. Нарциссова в Юрьеве-Польском, где был знакомый наборщик. Ограничились примитивным автокопистом. Текст же отпечатывали на пишущей машинке «Космополит». Подобная — подаренная сыном Ганшина — и сейчас экспонируется в Центральном музее Владимира Ильича Ленина в Москве.

Это — плоская чугунная плита, на которой полукругом гребень с алфавитом. Сверху свободно вращающийся в стороны рычаг. Чтобы «отбить» на бумаге букву, рычаг этот подводили к её обозначению на шкале и с силой вставляли в гребень. И так весь текст, который в первом томе собрания Сочинений В. И. Ленина занимает около двухсот страниц.

К началу сентября были готовы сто экземпляров. Тогда-то в Горки на 4—5 дней приехал Ленин, чтобы узнать, как обстоят дела. Приехал нелегально...

Среди тех, кто вместе с Лениным начинал строительство партии, не было, очевидно, людей заурядных. Многие из них оказались впоследствии прекрасными руководителями, стойкими борцами, чуткими товарищами... После резолюции Ганшин работал на руководящих инженерных должностях, управлял группами фабрик и заводов, служил в Главлесхиме Наркомата лесной промышленности. И из всей большой своей жизни всегда помнил о тех пяти днях, когда у него в Горках был Ленин, уже тогда «могучая умственная сила и воля, а в будущем — великий человек».

...Неокрепшая дорога ведёт вдоль строя сосен и берёз. Пройдите с полкилометра к службам и рядкам живописных изб — увидите широкую и рябую пойму Шахи, а справа — клуб, школу, сельмаг. Увидите и дом в пять окон, с мезонином, за которым спускается к реке насаженный парк. И вас охватит чувство гордости за то, что вы живёте в стране, у начала которой стояли люди из несливаемой ленинской гвардии.